


Олег ГОЛОВКО ● СТИХИ

* * *

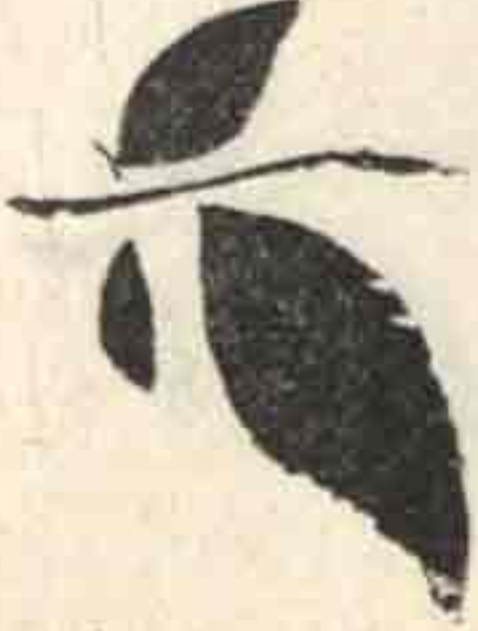


Однажды каждый встретит строгий вечер,
Что спросит урожай прошедших лет:
— Ты утвердился, зная, что не вечен?
Кто жизнь твою продолжит на земле?
Твой сын —
Ты разве вырастил такого?
Твой город —
Где ты выстроил его?
Твое, в сердца посеянное, слово?..
Твое, что людям отдал, мастерство?..
И мы тогда поднимемся, ребята,
Во весь свой рост, — потомок, посмотри!
Хребтом постигли слово мы «работа»
На трассе от зари и до зари.
Мы в кутерьму такую угодили,
Что кое-кто сбегал средь темноты.
Бульдозеры под мари уходили,
И наледи таранили мосты.
Мы становились глубже, строже, резче,
Входили мы в строителя права,
В соленые, но праведные речи
И в сладкие, но лживые слова.
Сдвигали реки, рушили прижимы,
Всю ночь к подругам плыли на плотах.
И наши думы были, как пружины,
Закручены в грядущие лета.

* * *

*Анатолию Мигунову,
сварщику Главмосстроя*

Знаю, боги не смогут
Удержать электрод —
В электричестве боги
Приотставший народ.
Божья сварка не выйдет —
Даже пусть «протеже».



Но я бога увидел
На седьмом этаже.
Ах, какое святое
У него ремесло,
Что на небо седьмое
Паренька вознесло!
Постепенно сгорает
Электрод голубой,
Но панели скрепляет,
Раскаленный, собой.
И задорно, упрямо,
Весь в рывке молодом,
Над столицею БАМа
Возвышается дом.
Среди боя с природой,
Среди боя идей, —
Мы твои электроды,
Наступающий день!
Ради доброго ветра,
Что в родной стороне,
Напряжение века
Подключайте ко мне.
Поклонившись рассвету,
Мне не страшно сгореть,
Лишь бы эту планету
Хоть немного согреть!

ПЕТЯВАЛА

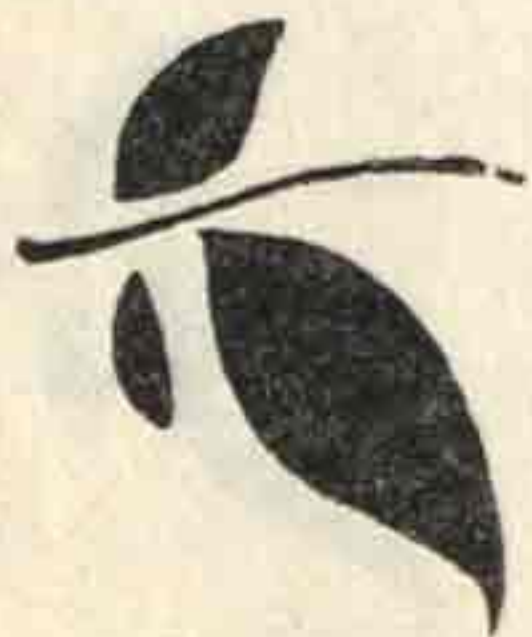
— Петявала!*
— Петявала!
Так просто и тепло
С приездом нас поздравило
Хантыйское село.
Рыбак мне на рассвете,
Бросая в снег язей,
Сказал, что словом этим
Приветствуют друзей.
...Я в городе.
Я голоден

* Петявала — по-хантыйски «здравствуй».

По белой целине.
Дома большие в городе
На грудь ложатся мне.
Душа в дорогу просится,
Где снег копытит лось,
Где женщин очи — просеки
И антрацит волос.
Где друг твой — кто ни встретится,
Где чай всегда крутой,
Где ночь сияньем светится,
А люди — добротой.

ОГНИ

Люблю я соцветье огней станционных —
Белых и красных, синих, зеленых, —
За то, что горят они не для букета:
Своя работа у каждого цвета.



НОЧНАЯ УКЛАДКА

Шлемы, словно скафандры, надеты.
Прорезь — видеть.
И прорезь — дышать.
Вы с какой приземлились планеты
На декабрьский вертящийся шар?
Почему не хотите украдкой
В отчий дом постучаться во сне?
Почему это ночью — укладка
Под свирепые ветер и снег?
Тяготенье земное изведав,
Снова плеть над балластом висит,
И на двадцать пять метров Победа
Приближается — на Беркакит.
И точна, и ритмична бригада, —
Видно, спелись ребята давно.
Позарез им, товарищи, надо
Заслужить «золотое звено».
Надо — платой за труд за путейский,
Надо — платой за ночи без сна.
Как мы часто на рельсах житейских
Все в плену «золотого звена»!

Мы ботинок и лет не жалеем,
В расставаньях, в дождях и в дыму,
Полноводнеем или мелеем, —
Все стремимся к звену своему.
Пусть ползти, но дойти, но не сдаться!
Пот смахнуть. Окунуться в траву.
Пока звенья не встреченных станций
Вновь на рельсы тебя позовут.

САША РЯБЦЕВ

Где шагает облако по сопке,
Бурундук куражится в траве, —
В бамовском контейнерном поселке
Появился новый человек.

По камням в коляске разъезжает,
Много спит и плачет, как поет,
Женщин разведенных раздражает,
Спать молодоженам не дает.

Все же, Саша Рябцев, ты упрямый,
Целевой задачи не поймешь:
Лишь родился — дома держишь маму,
Стройку века строить не даешь.

Ты соседей всех перетревожил,
Так они завистливо глядят,
Что в разгар великой стройки тоже
«Покупать» детишек захотят.

А ведь это — море канители.
Потерпеть бы парочку годов:
Мы построить ясли не успели,
И детсадик тоже не готов.

Только Саша Рябцев брови хмурит,
Словно осознал, о чем здесь речь,
Словно говорит, что на Амуре
Дел амурных сроду не пресечь.

Он в своей коляске, как на троне, —
В день рожденья — сразу знаменит.
...При сухом при бамовском законе
Хорошо шампанское шумит!

МАТЬ СОЛДАТА

В старенькой поношенной одежде,
И по расписанию всегда,
Тридцать лет на маленьком разъезде
Женщина встречает поезда.
Четные, на запад, не встречает,
Ждет всегда нечетные она.
Взглядом пассажиров провожает —
Сгорбленная,
Тихая,
Одна.
Промелькнут огни и детский лепет,
Снова растворяясь в синеве.
Волосы старушки, словно пепел,
Ветер ворошит на голове.
Вдоль саранок, вспыхнувших, как факел,
Медленно домой она идет.
Сварит кушать кошке и собаке,
Чаю на смородине попьет.
И опять гудки тревожно ловит.
И спешит, платок забыв надеть.
А сойдет солдат — так остановит,
К солнцу повернет, чтоб разглядеть...

